

Автор: Шей Саваж

Книга: На грани одиночества

Оригинальное название: Otherwise Alone

Серия: Эван Арден #1.

Переводчик: Inna_Zulu

Редактор: Юлия Боринских

Вычитка: Ms. Lucifer

Художественное оформление: Ms.Lucifer

**ШЕЙ САВАЖ
НА ГРАНИ ОДИНОЧЕСТВА**

АННОТАЦИЯ

Лейтенант Эван Арден скрывается в хижине у черта на куличках, ожидая распоряжений начальства, которое разрешит ему отправиться обратно домой - если он вообще когда-нибудь их получит. Кроме его верного пса - пиренейской горной собаки, нет никого рядом, чтобы разрушить однообразие. Но мучительная скука внезапно прерывается, когда молодая женщина, спотыкаясь, вторгается в его жизнь.

У него есть только два варианта - подстрелить ее с дальнего расстояния с помощью его надежной снайперской винтовки или рискнуть, позволив ей приблизиться к его дому и войти в его жизнь.

Почему бы и нет? Прошла уже целая вечность, а он по-прежнему один...

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящается всем, кто прочитал написанное и предложил мне постоянную поддержку, чтобы не сидеть дома, а на самом деле опубликовать мое первое настоящее произведение.

Я бы никогда не прошла через это без всех вас!

И Тамаре, которая проходила каждый этап этого безумного путешествия в мир писательства в течение долгого, долгого времени.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Под палящей жарой и почти в полной изоляции, я прячусь в Аризонской пустыне и жду того дня, когда мой босс скажет, что я могу вернуться домой. Мои единственные спутники – это моя винтовка Баррет и пиренейская горная собака по кличке Один.

Я регулярно проверяю свою почту – это моя единственная связь с внешним миром. Все это напоминает мне о том, что в настоящий момент недоступно, и мне интересно, сгнию ли я здесь, в конце концов.

Может быть, это не ссылка.

Может быть, это приговор.

Дни еще долгие, но ночи становятся все длиннее, когда вдруг на моем пороге появляется молодая женщина. Мне уже давно не нужно было много, но она заставляет меня мечтать о большем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гребаная жара.

Даже несмотря на то, что я полностью обнажен, посреди ночи всё равно сбрасываю покрывало.

Солнце еще не появилось на горизонте, а в пустыне, где-то к западу от городка Пинон, Аризона, по-прежнему невыносимо жарко. Я переворачиваюсь на спину, вместе с тем пытаюсь дуть на свою грудь, позволяя капелькам пота соединиться с дыханием и немного меня охладить. Это помогает, но лишь в тот момент, когда я выдыхаю.

Кровать скрипит, когда разбрасываю ноги в стороны и надеюсь, что не окажусь с другой гребаной стороны древних деревянных полов. Взгляд падает на мой Баррет - длинноствольную винтовку с усовершенствованным оптическим прицелом, прислоненную к стене в углу комнаты, который рядом с кроватью. Это мое постоянное напоминание о том, как я сюда попал. Потягиваюсь, немного постанывая, прежде чем иду по-быстрому отлить, и начинаю рыться в белье, пытаясь найти чистые боксеры, джинсы и выцветшую концертную футболку с надписью: «Иисус и Мэри Чейн».

Одевшись, выхожу на улицу и проверяю, сколько у меня еще осталось бензина для генератора. Если не включать вентилятор и использовать электроэнергию только для приготовления пищи и проверки моей электронной почты, его достаточно, чтобы продержаться еще неделю или около того.

Мысленно я надеюсь, что этого будет достаточно, но где-то глубоко внутри также понимаю, что, скорее всего, не хватит. Мне придется проехать сто шестьдесят километров пути до заправочной станции, где меня еще никто не видел. В этом районе, по шоссе в нескольких милях отсюда, проезжает много людей, но они никогда не останавливаются дважды в одном месте. И даже если они так сделают, нет ни единого шанса, что меня заметят, но не хочу никому предоставлять эту возможность.

Прежде чем вернутся назад, в свою обитель с двумя комнатами, слышу внушительный чих, сопровождаемый стуком четырех собачьих лап по пыльной земле.

— Иди сюда, Один, — произношу я, зевая, и пиренеец вприпрыжку подбегает и подставляет голову, чтобы ее почесали. Хотя его белая шерсть все еще довольно короткая, но в такую жару его нужно бы подстричь еще короче. Интересно, хватит ли электроэнергии, чтобы зарядить электрический триммер. Если нет, то придется сделать это вручную, ножницами. Одину не понравится, и, вероятно, в конечном итоге он будет выглядеть как дермо, но это лучше, чем перегрев.

Я наполняю его миску водой из колонки во дворе и вытираю свой лоб тыльной стороной руки. Уже достаточно светло, чтобы видеть, как свет испещряет полосами пустынный пейзаж, пока солнце собирается появиться.

Быстро осматриваюсь, проверяю провода, подключенные к аккумулятору старого грузовика Шеви, стоящего позади дома, и удостоверяюсь, что они все еще соединены. Провода тянутся по периметру участка в восемьдесят соток, и, если целостность заграждения будет нарушена, включится клаксон автомобиля.

Это не лучшая защита, но предполагается, что я *мертв*.

Делаю растяжку, несколько отжиманий и приседаний, после пробегаю несколько раз вокруг хижины, прежде чем возвращаюсь в дом. Один следует за мной внутрь, и я быстро просматриваю помещение, по привычке, а не потому, что не знаю, что найду. Здесь особо нечего смотреть – ванная комната с проржавевшей сантехникой, кухня с мини-холодильником, заполненным бутылками воды комнатной температуры, другими словами теплыми, и маленькой электрической плитой. Главная комната в большей степени занята моей односпальной кроватью с металлическим каркасом, когда-то выкрашенным в белый цвет, но сейчас осыпавшимся и разваливающимся на части. У стены стоит карточный стол с двумя складными стульями. Нет даже места для полноразмерного комода или чего-то в этом роде, поэтому то небольшое количество одежды, что у меня есть, складывается в ящик небольшой прикроватной тумбочки. Я пришел сюда с одним вещевым мешком, поэтому, в любом случае, у меня не так много вещей.

— Гребаный рай, — ворчу я про себя.

Один смотрит на меня и принююхивается. Он почти никогда не лает, но сейчас, кажется, что-то раздражает его, он фыркает, и время от времени поскучливает. Я не из тех, кто разговаривает с собакой, хотя он мой неизменный спутник. Ему восемь лет, а он появился у меня, когда ему было полгода. Не

знаю, почему в тот день я решил прогуляться в окружной приют для животных, но, когда я ушел оттуда, он был со мной, и с тех пор почти постоянно был рядом.

Сделав себе бутерброд с арахисовым маслом, я вытаскиваю из холодильника одну бутылку с теплой водой и полностью ее выпиваю. Снова потягиваясь, я чешу шерстяную голову Одина и, схватив винтовку, выхожу на террасу посидеть в кресле-качалке и понаблюдать.

Не похоже, что я действительно думаю, что в этот момент меня могут обнаружить – я здесь, в этом забытом Богом месте, уже четверть года – но мне особо нечем заняться, и я не могу уйти, пока не получу отмашку. Наблюдение, по крайней мере, дает мне ощущение, что я чем-то занят, потому что мне трудно вообще не предпринимать никаких действий. Хотелось бы почитать, но я, как правило, забываюсь в хорошей книге, и сбрасываю свою защиту в совершенно неприемлемой степени.

И то, что я еще не обнаружен, не значит, что так будет всегда. Знаю это из опыта.

Я поднимаю одну из резиновых костей Одина, лежащую в углу крыльца и бросаю ее в пыль. Он стоит и настороженно смотрит на нее, несколько раз вертит хвостом, а затем падает обратно вниз к моим ногам.

— Раньше ты хотел играть, ты – лентяй.

Он снова фыркает, и это все, что я получаю взамен. Уверен, он хочет сказать, что для этого дерма чертовски жарко. Я сижу и стучу носком ботинка по ветхому крыльцу, покачиваясь вперед-назад со снайперской винтовкой на коленях и с Одном у моих ног. Жара продолжает давить, но сегодня в воздухе есть хотя бы намек на ветерок. Все еще невыносимо, хотя это немного улучшенная версия невыносимого, по сравнению с прошлым днем. И даже без ветра здесь намного лучше, чем в бункере на Ближнем Востоке.

Пора обедать.

Я запускаю генератор, чтобы вскипятить на печке немного воды, добавить в кастрюлю часть коробки пасты и разогреть соус. Пока я ем, даю поработать вентилятору, потому что днем слишком, бл*ть, жарко, и мне необходимо хотя бы временное облегчение. Паста получилась именно «аль денте», но соус из банки ни к черту не годится. Я помню домашние соусы у Ринальдо – его жена хлопала меня по руке, когда я пытался попробовать соус, до того, как ужин окажется на столе.

Во время еды включаю нетбук и жду, пока спутниковый сигнал станет достаточно сильным, чтобы загрузить мою электронную почту. Один ждет от меня команды, но когда ничего не получает, просто падает у моих ног, положив голову на передние лапы. Вентилятор шевелит шерсть на его голове, и он снова фыркает, прежде чем закрыть глаза и немного вздрогнуть.

Сигнал сообщает мне, что электронная почта загружена. Пришло одно новое сообщение от «Пиццы Хат», которая предлагает мне на выбор пиццу с любой начинкой за десять баксов, – это *гребаное письмо, специально прислали, чтобы подразнить?* – и еще три похожих объявления. Я, похоже, выиграл четыре раза в Швейцарское Лото, могу получить канадский рецепт со скидкой на Виагру, а президент страны, о которой я никогда не слышал, хочет дать мне 1,2 миллиона долларов со своего оффшорного счета.

И ничего от Ринальдо.

Я не удаляю сообщения – просто опять закрываю компьютер.

Мою посуду, кладу ее в шкаф, выключаю вентилятор и генератор, а потом падаю в кресло-качалку на крыльце. Один просыпается и следует за мной. Широко зевнув, пес потягивается, кружится по кругу, а потом обратно оседает возле меня. Я тянусь ногой и тру его затылок носком ботинка.

Мои глаза сканируют горизонт.

Куст шалфея, слежавшаяся красная земля и пыльные смерчи.

Запрокидываю голову и на мгновение закрываю глаза. В голове сразу возникает холодная, дождливая узкая улочка и звуки выстрелов. Я могу видеть свою собственную поднятую руку, ствол «Беретты» направляется в сторону, куда от меня убегает человек в темно-синем костюме. Моя рука два раза дергается, и он падает.

– Какого хрена, Арден? Он не был целью!

– Это свидетель.

– Но черт... Ринальдо не будет от этого в восторге.

– Я делал вещи и похуже.

Ну, или думал, что делал.

Очевидно, убийство племянника или двоюродного брата, или той же дермовой любовницы Греко, взбесило парня. Поскольку группа Греко была конкурентом Ринальдо Моретти, то вероятность тотальной мафиозной войны была довольно высокой, и именно поэтому мне пришлось исчезнуть. Греко не знал, кто это сделал, но твердо решил узнать, и будет лучше, если меня просто не будет поблизости. Первые пятнадцать минут в его офисе, наблюдая, за тем как разозленный Ринальдо ходил кругами, я думал, что он пустит пулю мне в лоб, он этого не сделал.

Изгнание было лучшей альтернативой. Это случилось сразу после Дня Поминовения, а завтра уже будет первое сентября.

Я снова открываю глаза и смотрю на один из пыльных вихрей, как он вращается и начинает распадаться примерно за минуту до того, как рассыпается на сухую землю. Я по очереди вращаю то одним плечом, то другим и гляжу на Одина, удивляясь, как он в такую жару может спать в своей шубе. Возвращаюсь к сканированию горизонта.

Движение.

Я мгновенно настораживаюсь.

Это не пыльный вихрь и не колыхание сухого кустарника. Что-то движется по грунтовой дороге, ведущей к маленькому дому, и это определенно человек. Кто бы это ни был, он или она находится слишком далеко, чтобы можно было четко разглядеть без небольшой помощи оптики. Я машинально прикладываю винтовку к плечу. Левый глаз закрыт, правый глаз смотрит в окуляр, фокусируясь на цели, находящейся на расстоянии чуть больше километра отсюда. Через прицел я могу увидеть фигуру гораздо более четко.

Это девушка.

Что за хрень?

Женщине, я полагаю, может быть, лет двадцать. Она идет чуть боком, как будто не смотрит, куда идет, и время от времени спотыкается. В ее руках ничего нет, но по мере приближения я вижу, что у нее за спиной висит небольшой рюкзак. Он недостаточно большой для каких-либо существенных припасов и больше похоже на одну из тех вещей, которые девушки из колледжа носят вместо кошелька – что-то, что, безусловно, больше является декоративным, чем полезным.

Когда она приближается, у меня появляется возможность рассмотреть ее лучше и немного узнать о ней. Она идет, может быть, час или два максимум, потому что не видно никаких признаков обезвоживания, и у нее, кажется, нет с собой воды. Хотя ее обувь очень пыльная, так что она вряд ли только что начала идти. Ее волосы собраны высоко на голове, но я уверен, что она сделала это лишь недавно. Они растрепаны и уж точно укладывались, не глядя в зеркало. Она либо сильно спешила, когда собирала их, либо это было сделано, когда она шла, для того чтобы охладить шею.

Девушка чертовски неуклюжа, спотыкается каждые сорок шагов, насколько я могу судить, о свои туфли. Почему-то это заставляет меня улыбаться. Я перемещаю оружие и сканирую горизонт позади нее слева направо, но больше никого не видно. Я прикидываю возможные варианты.

Вариант первый – пристрелить ее. Я действительно не хочу и не нуждаюсь ни в какой компании, и компания, в общем – это риск. Взвесим все «за» и «против». «За» - мне не нужно будет больше думать об этом, что, как правило, безопаснее для меня. «Против» - она просто какая-то невинная цыпочка, чья машина, вероятно, сломалась, и убивать ее – вроде как хреновый поступок.

Второй вариант – позволить ей идти прямо сюда. Если бы она была от Ринальдо, я бы был уведомлен, а если бы она была из организации Греко, она бы не приблизилась к дому, спотыкаясь о пыльную землю, не имея с собой ничего, кроме маленького рюкзачка. «За» – мне не нужно будет копать большую яму в сухой, утрамбованной земле. «Против» – вероятно, придется поговорить с ней.

Она опять спотыкается - совсем чуть-чуть. Это едва заметно, если не обращать внимания, но я... Я всегда обращаю внимание. Ее рост около ста шестидесяти сантиметров и вес примерно пятьдесят пять килограмм. Ее теннисные туфли покрыты довольно густым слоем пыли, и по мере того, как я понемногу опускаю вниз прицел, то могу увидеть немножко более ясное пятно на краю ее левой туфли – около шнурков. Должно быть, она пыталась стереть его, но это было некоторое время назад, и теперь все снова грязно. Я провожу повторную оценку и решаю, что она ходит, по крайней мере, два часа, и у нее что-то серьезное на уме – по крайней мере, серьезное для неё.

Когда она идет, то совсем не обращает внимания на все вокруг.

Либо это действительно что-то важное, либо же в действительности она так невежественна. Находиться на такой жаре несколько часов - не очень хорошая вещь. Я пытаюсь придумать какие-нибудь другие альтернативы, но не думаю, что их много. Очевидно, что она не коренная американка, так что, скорее всего, у нее поблизости нет родственников.

Голова Одина резко поднимается, и он низко рычит, глядя на молодую женщину.

— Ты немного опоздал, — говорю ему, и он фыркает на меня. Я снова навожу прицел на мою гостью, и мой палец на мгновение застывает на спусковом крючке, но лишь на мгновение. У меня нет проблем выстрелить в женщину — делал это много раз раньше — но она просто потеряна, и это не кажется, мне достойным поводом умереть.

Кладу винтовку обратно на колени. Она достаточно близко, чтобы наблюдать сейчас без нее, хотя девушка до сих пор даже не подняла взгляд с грунтовой дороги. Если я буду достаточно тих, то уверен, что она забежит прямо в дом.

Она снова спотыкается прямо на границе участка, и клаксон грузовика начинает вопить. Очнувшись от транса, она вскидывает голову и делает неуверенный шаг, в то время как ее глаза осматривают хижину, Шевроле, а потом меня, когда я встаю, винтовка все еще в моей руке и направлена на нее.

Один тут же становится со мной рядом с вздыбленной на загривке шерстью и начинает громко рычать. Он не заходит дальше этого, потому что видит, что я не особенно встревожен. Насторожен — да, потому что я не идиот, — но и не слишком обеспокоен. Даже если бы она, являясь известной бегуньей и начала бежать, ей бы потребовалась, по меньшей мере, минута, чтобы до меня добраться. Я встаю с кресла, иду к грузовику, отключая сигнализацию, дабы выключить гудок.

Возвращаюсь к крыльцу, предпочитая идти по земле вместо того, чтобы подниматься по ступенькам. Мне не нужен дополнительный рост чтобы держать ее в поле моего зрения, и так как я все же не выстрелил в нее, буду вынужден с ней поговорить.

Один разгуливает передо мной, выписывая восьмерки, и наблюдает за приближением девушки. Я щелкаю пальцами возле бедра, он обходит, и становится за мной. Потом садится на землю и выжидающе смотрит на меня.

Ее шаг замедляется, когда она приближается ко мне. Такое впечатление, что она немного съеживается, как будто у нее будет некоторое преимущество, если она в данный момент сделается невидимой. Ее взгляд направлен на винтовку в моих руках, она делает последний шаг вперед, останавливается и открывает рот.

— Хм...привет! — выкрикивает она. Ее взгляд бегает, показывая нервозность. Ее рука поднимается в коротком взмахе, но это не слишком убедительный жест.

Я осматриваю ее с ног до головы, переоценивая теперь, когда она ближе. Мои выводы все те же — она заблудилась, бродила около двух часов, и она приехала с юга. Ближайшая дорога на юг - шоссе 264, поэтому она определенно идет в неправильном направлении. Ей идти еще сорок километров, прежде чем она доберется до другой дороги. Если бы она сейчас не стояла передо мной, вероятно, умерла бы до наступления ночи.

— Хочешь умереть? — спрашиваю я ее. Мой тон, вероятно, немного жестче, чем нужно, но этот вопрос просто необходимо было задать.

Ее глаза расширяются, и она делает шаг назад от ствола винтовки. Я сопротивляюсь стремлению фыркнуть, и указываю в сторону открытой пустыни, где ее ждет страшный конец.

— Не самое лучшее место, чтобы искать место для пикника.

Она смотрит на пустынный пейзаж, затем на оружие в моих руках, которое направлено на ее голову. Она нервно смеется и обхватывает себя на уровне талии. Показываются ее верхние зубки и закусывают нижнюю губу, на лице появляется гримаса, и она на миг опускает взгляд на землю. Когда она поднимает на меня глаза, я вижу, как она сглатывает, прежде чем заговорить.

— Моя машина сломалась, — тихо произносит она. На секунду отводит глаза и смотрит в сторону грунтовой дороги. Мыщцы на ее правой руке немного напрягаются, и пальцы дергаются в ответ.

Сомнений нет в том, что она лжет.

— Сейчас? — тихо спрашиваю я.

— Да, я полагаю, что она перегрелась, — соглашается она с немного большей уверенностью. — Я думала, что возвращаюсь назад в том же направлении, откуда приехала, но очевидно, что это не так.

— Хочешь воды, и я отвезу тебя обратно? — уверен, что справлюсь с небольшой проблемой в радиаторе.

— О! — ее глаза расширяются, и она начинает переступать с ноги на ногу.

Правильно, детка, я не куплюсь на твое дермо.

— Ты не обязан это делать, — она тянет руку вверх и теребит пучок волос на голове. — Можно, я просто воспользуюсь твоим телефоном? Мой не может поймать никакого сигнала, и я думаю, что, в любом случае, он сдох.

— У меня нет телефона.

— О. — Она опускает глаза и смотрит на землю.

Я продолжаю смотреть на нее, но она избегает моего взгляда. Хочу раскусить ее замысел, или вогнать ее в еще большую яму. В действительности, это не так уж и важно, так как решение полностью основано на моем желании услышать, что она скажет. Однако же, это не так уж и важно, так как я всё-таки хочу узнать настоящую правду.

— Ты скажешь мне настоящую причину, по которой ты здесь бродишь?

В этот момент ее зубы снова впиваются в губу, и мне интересно, собирается ли она истечь кровью.

— Это так очевидно, да?

— Да, в общем-то.

— Моя мама всегда советовала мне не вступать в тайные общества, потому что я самая неумелая лгунья в мире.

Я не отвечаю, потому что нет смысла реагировать на это. Я просто жду и наблюдаю. Она смотрит на землю и, кажется, вдруг теряется в своих мыслях, скорее всего вспоминая свою маму или какой-то другой момент ее детства. Когда спустя минуту она так ничего и не говорит, я перекладываю винтовку с одной руки в другую, и ее глаза расширяются.

По крайней мере, я снова привлекаю ее внимание.

— У меня произошел небольшой... спор... с моим водителем, — наконец бормочет она, — и меня высадили в чистом поле.

Это правда, но не вся. Полагаю, это все, что мне собираются сообщить, и так как мне действительно все равно, я меню тему.

— Хочешь воды? — спрашиваю ее, размешая винтовку на плече стволом вверх.

— Да, пожалуйста, — ее облегчение очевидно, но она все также по вполне понятным причинам осторожна в своих движениях. Девушка нерешительно идет за мной к двери и останавливается прямо перед ней. Один обнюхивает ее ноги, и она похлопывает его по голове. Кажется, он не определился с ней, скорее всего, отражая мои собственные чувства.

— Она не особо холодная, — говорю ей, пока вытаскиваю бутылку из того, что могло бы стать холодильником, если его включить, — но она хотя бы мокрая.

— Все замечательно, правда, — уверяет она.

Я подхожу к двери и держу бутылку воды вне ее досягаемости. Мне интересно, понаблюдать за ее действиями. Войдет ли она в логово паука, чтобы получить воду, которая ей необходима, чтобы выжить? Или ее собственные страхи и паранойя заставят ее остаться на покосившемся крыльце отказываясь рисковать своей жизнью?

Прошло несколько секунд, пока она не поняла, что я не собираюсь двигаться, и вот она медленно делает два шага вперед. Наши пальцы слегка задевают друг друга, когда она берет бутылку из моих рук. На ее щеках появляется красный оттенок, которого не было раньше. Она смущена, но чем? Возможно потому, что она принимает воду от незнакомца или потому, что признает, что нуждается в помощи?

Быть может быть потому, что наши пальцы соприкасаются, и она понимает, что находится одна с каким-то незнакомым парнем.

Хочу посмеяться над этой идеей, но мне удается сдержать себя.

— Спасибо, — говорит она, а потом прочищает горло. Откручивает крышку на бутылке и подносит ее к губам. Затем начинает пить слишком быстро, и я немедленно хватаю бутылку, заставляя ее вздрогнуть.

— Не так быстро, — говорю я, — иначе будет плохо. Маленькими глотками.

Я кладу бутылку обратно в ее руку, и она медленно кивает. Делает небольшой глоток, останавливается, а затем делает другой. Я киваю ей, убедившись, что теперь она не собирается блевать на мой пол.

— Как тебя зовут? — спрашивает она.

— Эван, — говорю я ей.

— Я Лиа, — сообщает она с улыбкой. Не уверен, из-за того ли, что она продолжает нервничать или действительно просто хочет быть вежливой. Наблюдаю за ней, но никак не реагирую. — М-м-м... Лия Антонио.

Итальянка. Ее облик. Я должен был догадаться. Впрочем, у нее нет никакого акцента, так что она не из первого поколения.

Я продолжаю плятиться на девушку. Знаю, что это заставляет ее нервничать, но я не из тех, кто много болтает, и я не хочу, чтобы у нее сложилось впечатление, что она может остаться здесь и провести вечер, сплетничая со мной. Думаю, что надо вернуть винтовку обратно и дать понять, что ей надо скоро уйти.

Уйти куда?

Если я выгоню ее, она умрет до восхода солнца. И что мне теперь делать — предложить, блядь, куда-нибудь ее подвезти? Я даже не знаю — или мне все равно — куда она идет. И я должен оставаться там, где нахожусь, за исключением тех случаев, когда мне нужно куда-то пойти за припасами.

«Заканчивается бензин», — напоминаю я себе.

Блядь.

Я выталкиваю эту мысль из головы. Не хочу проводить и пару часов в грузовике с какой-то цыпичкой, которую я не знаю. Девушка идиотка, раз сунулась сюда.

И почти сразу пересматриваю свои выводы. Она идиотка, но это из-за того, что сама оказалась в этой ситуации, а не потому, что сейчас здесь. На данный момент у нее нет выбора. Возвращение в пустыню — самоубийство.

— Голодная? — я слышу, как спрашиваю это, и хочу стукнуться головой о стену.

— Хм...немного, но на самом деле тебе не нужно беспокоиться.

— Хорошо, — говорю я, — но мне пора ужинать, так что я собираюсь готовить. Если хочешь чего-нибудь, говори прямо сейчас.

Она пару раз переступает с одной ноги на другую, смотря на деревянные планки, из которых сложен пол.

— Мне кажется, — наконец-то отвечает она. — Я имею в виду, если ты уже что-то делаешь, то это было бы замечательно.

Слишком вежливая.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы сидим за столом, и я подаю то, что мне удалось раздобыть на ужин. Это еда лучше, чем я сделал бы для себя – определенно. Жареный картофель с перцем и луком, а также консервированные персики и пара бутылок воды. Это не слишком много, но то, как она принимается за еду, говорит мне, что на самом деле она очень голодна.

Я оставляю генератор работать, и вентилятор направлен прямо на нас, так что мы можем чувствовать себя, по крайней мере, во время еды, немного более комфортно. Один разместился рядом с вентилятором, чтобы тоже извлечь из этого пользу. Он очень внимательно наблюдает за Лиа, но отступает, когда та протягивает руку. Я могу только пожать плечами в ответ на ее вопрос, дружелюбен ли он к незнакомцам. Вокруг действительно не слишком много людей. Мы всегда были только вдвоем.

— Это действительно вкусно, — говорит Лиа, принимаясь за очередной кусочек картофеля. — Где ты научился готовить?

— Турпоходы, — отвечаю я. Это достаточно близко к правде. — Мы много раз ходили в походы в богом забытые места, так что я могу приготовить еду практически из ничего, пока у меня есть огонь.

— Мы? — напирает она. — Ты и твоя семья?

Я колеблюсь, прежде чем качаю головой.

— У меня нет семьи.

— Я сожалею, — произносит она тихо, наклонив голову. Не удивлюсь, если она думает, что все они мертвые, и начнет за них молиться, или что-то в этом роде. Я решую воспользоваться моментом, чтобы немного отдалится.

— Я пойду на улицу, — говорю ей. Мне надо подключить сигнализацию к грузовику, а это значит, что первым делом нужно дойти до того места, где она споткнулась и все восстановить. — Я сейчас вернусь.

Не знаю, почему, но я чувствую необходимость сказать ей это.

— Уже темнеет, — тихо говорит она, смотря в окно.

Я не стал отвечать, лишь потому, что это очевидно. Что она скажет дальше, что я высокий? Взяв винтовку, выхожу, Один следует за мной по пятам. Он обнюхивает землю, не отставая при этом от меня ни на шаг. Как только достигаю границы участка, то иду по ее следам на сухом грунте, пока не нахожу тонкий разорванный провод и скручиваю металлическую часть снова вместе.

Мы с Одним направляемся обратно к грузовику и подключаем все к аккумулятору. Я медленно обхожу дом, осматриваю горизонт, используя оптический прицел, но ничего интересного не вижу. Наполняю миску Одина водой, кормлю его и снова направляюсь внутрь. Я оставляю входную дверь открытой, как делаю большинство ночей. Как бы ни было, на двери фактически нет замка, что особенно хорошо сегодня вечером, так как вентилятор включен, и это создает хороший сквозняк.

Лиа все еще сидит на том же месте, сдирая этикетку с бутылки из-под воды. Я смотрю на нее и мне интересно, о чем она думает. Логически я могу многое предположить, но на деле возникает еще множество дополнительных параметров. Возможно, она размышляет о матери, о мудаке который ее бросил. Быть может о том, что же ей сейчас делать.

— Я полагаю, ты останешься сегодня здесь, — говорю ей. Не уверен, отвечаю я или нет на тот вопрос, над которым она размышляет, но что-то похожее должно быть у нее на уме. Кроме того, я чувствую, что смиряюсь с неизбежным, позволяя ей остаться. Чувствуя себя смирившимся, разрешая ей остаться.

— О, нет, нет, — протестует она, качая головой. — Я не могу навязываться...

Хочется рассмеяться, но она, вероятно, не оценит юмор. Вместо этого говорю коротко и ясно:

— Вариантов на самом деле не так уж много, — обращаю ее внимание на мои слова. — Уже поздно. Я устал и ложусь спать. Ты можешь или остаться, или уйти. Делай, естественно, все, что захочешь, но я бы никуда не ходил до завтра.

— Думаю, ты прав, — признается она. Переплетает пальцы и кладет руки на стол.

Я медленно встаю, начинаю собирать посуду и наполняю раковину водой.

— Ой! — вдруг кричит она. — Позволь это сделать мне!

Через секунду она уже рядом со мной, планируя, видимо, вымыть посуду сама. На секунду задумываюсь, а потом отступаю назад.

— Ради бога, — мне любопытно узнать, действительно ли она намерена это сделать или просто пытается быть вежливой. Ее руки опускаются в мыльную воду, и она начинает мыть посуду. Ее не так много, и она разбирается с этим быстро и качественно. Когда последняя тарелка поставлена в сушилку, я понимаю, что все это время наблюдал за ней.

Медленно стягиваю полотенце со своего плеча и протягиваю ей. Она бормочет «спасибо», берет его и быстро вытирает руки. Осматривает крошечную кухню и находит маленький крючок, используемый, чтобы держать полотенца и вешать для сушки тряпки, а потом оглядывается назад на меня.

Долгое время я только смотрю на нее и пытаюсь ее понять. Некоторые вещи очевидны — она от кого-то бежит. Может быть, он бросил ее на обочине дороги, а, может быть, она сама сбежала, но она пытается от него уйти. Это совершенно ясно. Повинуясь импульсу, я проверяю ее безымянный палец. Кольца нет, но на коже есть четкий след — она носила его до недавнего времени.

Интересно.

Лежит ли оно в пыли на дороге или спрятано в маленьком кармашке рюкзака, который она оставила рядом с все еще открытой входной дверью? Я наклоняю голову к плечу и чувствую легкое дуновение ветерка от вентилятора на моей шее. Мне нужно выключить его и генератор на ночь. Я делаю и то, и другое перед тем, как пройти в дальний конец маленькой комнаты, в которой я живу.

Все еще слишком, блядь, жарко.

Схватив нижний край рубашки, я тяну ее через голову, снимаю и бросаю в корзину под окном. Опускаю руку и большим пальцем отстегиваю кнопку на моих выцветших синих джинсах. Чувствую, как один уголок моего рта поднимается в улыбке, когда Лиа краснеет и отводит от меня взгляд — честное слово, как будто в этой лачуге есть еще на что посмотреть. Я качаю головой и стараюсь не засмеяться вслух, когда сбрасываю джинсы к лодыжкам, наклоняюсь, чтобы взять и сложить в два раза, прежде чем положить в ящик тумбочки.

Решив ради нее оставить хотя бы боксеры, я опускаюсь на кровать и кидаю на всякий случай тонкую простыню обратно, если она вдруг захочет ей воспользоваться. Для покрывала слишком жарко, даже для такого тонкого, но кто знает? Может, она из тех, кому всегда нужно укрываться.

— Эм...где я буду спать? — тихо спрашивает она, и я не могу удержаться, чтобы не ухмыльнуться.

— Есть только одно место для сна, — говорю я, что должно было быть совершенно, блядь, очевидно. Откатываюсь, подвигаюсь на свою половину, предлагая ей как можно больше места, и жестом указываю на свободную сторону кровати. — Прямо здесь.

Лиа оглядывается, и я почти слышу, как она продумывает все остальные варианты. Кресло-качалка на крыльце и карточный стол на кухне, который не выдержит и половину ее веса. Кроме этого, можно спать на деревянном полу — это все.

Я медленно качаю головой.

— Просто ложись.

Внимательно наблюдаю, когда она сглатывает, а затем медленно движется в сторону кровати. Она не намерена раздеваться, что меня вовсе не удивляет. Ей будет слишком жарко спать, но это не моя проблема.

Вообще-то, она откровенно сексуальна.

Готов поспорить, что так думать заставляет меня не только то, что я уже три месяца не видел живую женщину. Ее волосы великолепны, и мне бы хотелось запустить в них пальцы, в то время как мой член будет скользить у нее во рту. Она прекрасно сложена. Не слишком худая, что я, бл*дь, ненавижу, но у нее спортивная фигура. Она недостаточно мускулистая, чтобы напомнить мне о цыпочках, служивших со мной, но, тем не менее, имеет хорошую форму. У нее настоящие женские бедра, за которые я хочу ухватиться, пока буду вбиваться в ее киску. И обалденная задница, которая заставляет меня хотеть перевернуть ее на живот, сжать обе половинки, и вгонять мой член туда и обратно в ее тугую попку.

Кажется, это достойная тема для размышлений.

Сначала она садится на кровать, закусив нижнюю губу, а потом вытягивается рядом со мной, и вот тогда мне приходит в голову, что я очень хочу просто поцеловать ее. Тихо ухмыляюсь про себя и стараюсь по возможности занять максимально удобное положение. Я лежу на боку лицом к ней, рука вытянута вдоль моего тела, ладонь отдохнет на бедре, так что у нее достаточно места, чтобы лечь, не касаясь меня. Она тоже ложится лицом ко мне, что я нахожу интригующим. Многие отвернулись бы, чтобы не сталкиваться взглядом с незнакомцем, находящимся напротив, чувствуя себя защищенными собственными спинами. Она знает и понимает, что ей лучше видеть меня, чтобы не быть застигнутой врасплох.

Девушка смотрит на мою обнаженную грудь.

Ее глаза открыты чуть шире, чем я ожидал бы от того, кто намеревается спать, и мышцы слишком напряжены. Она совсем не устала морально, но делает это только по привычке, потому что пора спать, а не потому, что ей хочется. Она может быть физически истощена, но ее разум не позволяет ей расслабиться. Она слишком обеспокоена, чтобы спать, и мне интересно, о ком она больше думает – о незнакомце, в чьей кровати она находится или о том, кто бросил ее на обочине дороги вопреки соображениям безопасности.

Эта мысль меня немного беспокоит.

Я наблюдаю, как она смотрит на меня, и каждый раз, когда мой взгляд падает на ее губы, думаю о том, чтобы или накрыть их своими губами, или, быть может, заполнить ее рот своим членом. Каждый раз, когда я смотрю ниже, то хочу найти другое теплое местечко, чтобы похоронить там свой член на час или около того.

Да уж, это определенно тема для раздумий.

— Ты заставляешь меня нервничать, — говорит она.

Я быстро поднимаю глаза с ее бедер на лицо.

— В каком смысле? — спрашиваю, хотя знаю ответ.

— Ты все время смотришь на меня.

Я пытаюсь сдержать смех, но ничего не могу с собой поделать.

— Ты, вне всякого сомнения, самое интересное, что мне пришлось увидеть за долгое-долгое время.

Ее глаза смотрят настороженно и нервно, и мне не по себе. Мой фривольный комментарий, вероятно, не поможет ей уснуть, и это на самом деле не было в моих планах. Я решую выложить ей все предельно откровенно.

— Слушай... — начинаю я, но потом останавливаюсь. Не знаю, как сказать то, что я хочу, не пугая, не хочется вызывать у неё панику. Я хочу её трахнуть, но не хочу её отпугнуть. Если я все разыграю правильно – если совершенно точно просчитал ее – то мне выпадет шанс. Я не могу облажаться. Если я ошибусь в ней, скажу или сделаю что-нибудь не то, так или иначе, она просто возмутится. Я хочу, чтобы она тихо простонала мое имя в подушку, когда я кончу в ней, не впадая в панику оттого, что я сделал все совершенно неправильно.

Я, наконец, решаю действовать напрямую.

— Ты не должна бояться меня. Если бы я хотел причинить тебе боль, я бы уже сделал это. Если бы я собирался убить тебя, ты была бы уже мертва. Если бы я планировал изнасиловать тебя, ты была бы уже изнасилована, ясно?

Слышу ее резкий вдох.

Согласен, может, это было слишком прямолинейно.

На последней фразе она напрягается, что меня не удивляет. Большинство цыпочек больше боится быть изнасилованными, чем убитыми. Однако что-то в ее позе и выражении кажется не так. Когда я смотрю на нее, то понимаю, что, хотя я и шокировал ее немного, но она думает об этом в несколько ином ключе. Это не животный страх, что было бы очевидной реакцией.

Я минуту обдумываю и начинаю всматриваться в нее чуть более внимательно. Мои слова, кажется, заставили ее... реагировать. Ее грудь поднимается и опадает немного быстрее, глаза расширяются, и легкая краска приливает к ее щекам, чего раньше не было. Я не уверен, что «нервничает» правильное слово – «взволнованная» кажется более подходящим. Может даже что-то еще. Как будто она представляет, как это будет, и что это будет совсем уж плохо.

Я видел, как насилуют девушек, как правило, прямо перед их отцами, мужьями или тому подобное, в качестве наказания за то, что те облажались. Это дермо просто является приложением к моей работе. Я не принимаю в этом участие – я только убийца, а не палач. Это форма искусства, которую я не хочу изучать. Мои навыки связаны с оружием, и самое близкое, когда я видел свои жертвы, - это через прицел. При изнасиловании девушки получает повреждения, и я знаю, что ни одна женщина не хочет этого. Все-таки, это совсем не то же самое, что думать об этом, и я знаю разницу между фантазией и реальностью.

Я обрабатываю информацию в своей голове.

Какой-то близкий ей парень, может быть, даже ее муж, бросил ее на обочине дороги... и теперь она не возражает против того, чтобы получить немного грубого секса.

Интересно.

Это искушение, но чем дольше я думаю об этом, тем больше решаю, что не буду так действовать. Не уверен, что мой член с этим согласен, потому что он угрожает встать и быть замеченным. На такой узкой кровати и в непосредственной близости друг от друга, я действительно сомневаюсь, что это будет упущенено из виду, поэтому на минуту закрываю глаза, глубоко дышу и думаю о нескольких выстрелах в голову, пока снова контроль не возвращается ко мне.

До тех пор, пока не открываю глаза и не вижу, что она все еще плятится на мою грудь. С каждой минутой ее взгляд опускается ниже к моему животу и, даже еще чуть ниже. Кончик ее языка высказывается и увлажняет губки прямо перед тем, как она делает глубокий вдох.

Чувствую легкую вибрацию на матрасе, когда она немного вздрагивает. На мгновение, я думаю, что это страх, но ее глаза высказывают нечто иное. Она хочет меня. Она думает о том, чтобы пробежаться рукой по моей груди, и эта мысль делает меня твердым. Мой рот реагирует на мысли, даже не проанализировавшиеся сначала об этом с моим мозгом.

— Прикоснись ко мне, — говорю я.

Ее глаза расширяются, а язык снова порхает по губам.

— Что?

Ненавижу это. Люди поступают так все время. Понимаю, что это «человеческая природа» или подобное дермо, но я ненавижу, когда используют оправдание типа: «ой, я не слышал тебя», чтобы дать себе время подумать, прежде чем ответить. Это именно то, что она делает, и я не собираюсь давать ей шанс на раздумывания.

— Прикоснитесь ко мне, — повторяю я, делая кивок в сторону ее руки. — Если хочешь – вперед.

Она колеблется, ее грудь поднимается и опускается в унисон с ее глубоким дыханием. Взгляд поднимается к моим глазам, затем опускается на грудь, а потом снова возвращается к лицу. По ее глазам я почти вижу, как работают ее мысли – взвешивая варианты и пытаясь решить, стоит ей поддаться порыву или нет. Она хочет, но боится последствий.

— Рискни, — говорю я тихо.

Я понимаю, что она приняла решение, когда ее глаза находят мои. Она еще раз облизывает губы прежде, чем медленно протягивает руку. Моя кожа невольно подергивается, когда я чувствую ее легкие, как перышки, прикосновения на мышцах пресса. Я немного удивлен, потому что думал, что сначала она коснется моей груди, а ощущение ее пальчиков на животе неожиданно для меня. И это, черт побери, слишком близко к моему члену, который сейчас, очевидный факт, всего на несколько сантиметров ниже ее пальчиков.

Надеясь, что она согласится, что это будет справедливо, моя рука медленно движется от моей собственной ноги к ее талии. Я кладу руку прямо на подол ее рубашки – чуть выше изгиба ее бедра – и просто оставляю там на минутку. Она резко вскидывает на меня глаза, и я могу видеть, как дергается ее горло, когда она нервно сглатывает.

Лиа опускает взгляд вниз, где ее рука прикасается к моей коже, и язычок пробегается по нижней губе. Еле касаясь, ее рука поднимается к моей груди и медленно прослеживает очертания мышц. Она добирается до плеча, потом снова спускается к животу. Моя рука слегка сжимает ее талию. Это всего лишь рефлексивное движение, но, так или иначе, ее взгляд устремляется на меня.

Однако, она не встречается с моими глазами, а сосредотачивается немного ниже. Ее губы слегка сжимаются, и я вижу, что дыхание девушки учащается по тому, как поднимается и опускается ее грудь. Хочу положить свою руку на грудь, чтобы почувствовать ритм ее сердца, но сдерживаюсь.

Пока.

— Поцелуй меня, — мой голос хрипит, как будто горло сухое и полно песка. Я наблюдаю, как на мгновение ее глаза становятся шире и быстро мечутся между моими глазами и ртом. Так сильно хочется наклониться вперед и просто захватить ее рот своим, но я запрещаю себе это. Позволить ей взять на себя ведущую роль — по крайней мере, на данный момент — важно.

Скоро...скоро я стану у руля. Как только она решит, что на самом деле хочет этого, я, блядь, заберу все под свой контроль, потому что это то, что ей действительно нужно.

— Продолжай, — говорю я, смотря на нее. — Ты ведь хочешь.

— Я?

— Да.

— И с чего ты это взял? — ее тон несколько вызывающий, но все же недостаточно. Возможно, ей не хочется этого желать, но она желает.

— Я очень хорошо разбираюсь в людях, — информирую ее.

— Ты? Ха! — Она склоняет голову набок и смотрит на меня. Сейчас ее глаза еще больше расширяются, и я понимаю, что она просто пытается придумать, как ей выбраться из этого.

— Не тяни, — мои пальцы чуть стискивают ее бок, чтобы подтянуть чуть ближе к себе. Простое прикосновение для ободрения, и кажется, только это ей и нужно.

Мои глаза не отрываются от нее, пока она придвигается немного ближе. В последнюю секунду перед тем, как ее губы нерешительно касаются моих, она замирает. Правда, меня это уже не волнует. По правде говоря, это меня не остановит. Она открыла дверь, и с тем же успехом это могут быть хоть те гигантские деревянные двойные двери, украшающие фасад какого-нибудь огромного баварского замка, поскольку я все равно зайду.

Я обхватываю рукой ее затылок и тяну к себе, открываю рот и нахожу ее язык своим. Она стонет в мои губы, и я наклоняю голову, чтобы было удобнее. На вкус она сладкая, словно персик, которые были у нас на обед, и мне хочется ее поглотить.

В том, что я делаю, нет ничего нежного или осторожного. Я хочу ее, и чувствую желание внутри нее. Ей не нужны просто обнимашки и поцелуйчики. Что бы там ни произошло с тем, с кем она была, это подтолкнуло ее к настоящему. Она хочет быть оттраханной, и я буду только счастлив ей угодить. Руки стискивают ее, а пальцы слегка зарываются в ее плоть.

Мой язык танцует с ее языком.

Может быть, это больше похоже на мошпит, чем на танцы, но мне пофиг.

Я скользжу рукой вниз по ее спине и притягиваю ее тело к себе. Мой член выглядывает из-под моих оттопырившихся боксеров, и я трусь им о ее живот. Мне нужно как можно быстрее снять с нее рубашку. И джинсы. И все остальное.

Мне нужно оказаться внутри нее. Во рту, в киске, в заднице — мне пофиг. Необходимо просто с ней слиться...смешаться...стать одним целым...

Она отводит голову, чтобы прервать поцелуй и сделать вдох. Не желая останавливаться, я спускаю свои губы ниже по подбородку. Ее голова отклоняется назад, когда я двигаюсь вниз по шее, позволяя языку слегка ударять по ее горячей коже. Я добираюсь до яремной ямки на горле, а потом натыкаюсь на ткань ее рубашки, и это меня бесит. Хочу ощутить ее соски у себя во рту, я устал ходить вокруг да около. Поэтому хватаю ее пальцы и толкаю ее руку вниз, пока не кладу ее на мой жесткий член.

— Хочешь его? — шепчу ей в ухо, мое горячее дыхание заставляет ее дрожать. Я прижимаю ее кисть и одновременно толкаюсь бедрами, практически раздавливаю ее руку о мой член. — Только скажи, и получишь то, что тебе так нужно.

Ее глаза широко раскрыты, и я знаю, что она этого хочет, но я по-прежнему жду. Не только я должен понимать это, но и она. Ее широко открытые глаза, наконец, смотрят в мои, и я чувствую, как ее пальцы дергаются у моего члена. Она еле заметно кивает, но этого недостаточно.

— Я хочу это услышать, — говорю я ей. — Скажи мне, что ты хочешь его.

— Я хочу его, — без колебаний произносит она.

Мне не нужны дополнительные поощрения.

Я хватаю оба ее запястья и удерживаю их вместе в руке, поднимая их высоко над головой и вдавливая в подушку. Мои губы обрушиваются на ее, а язык вторгается в ее рот. Она вздыхает и кричит мне в рот, но я не останавливаюсь. Даже не замедляюсь.

Мне это нужно так же, как и ей.

Свободная рука движется к боксерам и стаскивает их вниз достаточно, чтобы освободить мой жесткий и ждущий ствол перед тем, как я начну двигаться с определенной целью. Хватаю подол ее рубашки и тяну вверх, пока не показывается бюстгальтер. Оседлав ее, и все еще не отрывая от нее свой рот, я трусь членом о кожу ее обнаженного живота. Протягиваю руку вниз, надеясь, что бюстгальтер, который на ней, застегивается спереди, но это не так, и поэтому я рву эту ее гребаную вещицу.

На этот раз она стонет в знак протesta, борясь против моей хватки на ее руках. Я отодвигаюсь назад достаточно, чтобы освободить ее губы.

— Какого черта ты делаешь? — восклицает она.

— Я собираюсь сорвать твою одежду и трахнуть тебя так сильно, что ты не сможешь ходить в течение недели, — отвечаю я. — Хочешь, чтобы я остановился?

Ее глаза расширяются еще сильнее, грудь поднимается и быстро опадает, рот пару раз открывается и закрывается, прежде чем она энергично кивает головой. На этот раз мне не нужно словесное подтверждение, вместо этого я спускаю ее шорты вниз по ногам. Вместе с ними и ее трусики, я не снимаю их до конца, потому что мои пальцы уже могут достать то, что мой член стремится найти.

Кончики моих пальцев легонько скользят по ее внешним половым губам - дразня. Ее бедра толкаются вверх, пытаясь сильнее тереться, но я пока не разрешаю ей это получить. Сначала я слегка прикасаюсь к ней, пока она не начинает извиваться подо мной. Кончик моего указательного пальца сначала скользит по ее клитору, потом ищет ее щелочку и толкается внутрь.

Она задыхается от ощущений, и уже достаточно мокрая. Достаточно для меня - не потому, что иначе я буду испытывать дискомфорт, а, скорее всего, в предвкушении того, что почует мой член. Она по-прежнему много двигается, хотя ее руки все еще прижаты. Я склоняюсь над ней, кружу языком вокруг ее соска, и она стонет.

Тогда я кусаю ее.

Не сильно – недостаточно больно, но определенно достаточно, чтобы ее почувствовать. Ее тело пытается приподняться с кровати, но это не работает – она в ловушке подо мной, и это делает меня действительно очень твердым. Я добавляю еще один палец, скользжу внутрь и обратно еще пару раз, а затем вытаскиваю их и использую влагу, чтобы смазать мой ствол.

— Ты готова? — хриплым голосом спрашиваю я, располагая себя у ее входа. — У меня нет презерватива, и я трахну тебя без защиты. Если хочешь, я выйду.

— Я... я на таблетках, — говорит она, тяжело дыша.

— Это хорошо, — отвечаю я и резко толкаюсь в нее.

Она чуть ли не кричит, и на краткий миг я думаю, что перешел черту. Отпускаю ее руки, и она тут же хватает меня за голову и притягивает мой рот к своему. Я мгновенно чувствую облегчение, и прежде чем грубо ее поцеловать, использую свою теперь свободную руку, обхватывая ее грудь, и тяну сосок. Однако большая часть моего внимания сосредоточена на теплом, чрезвычайно тесном канале, где как раз и находится мой член.

Твою ж мать.

Прошло столько времени – очень много времени – и я чувствую себя ох**нно фантастически.

Я быстро погружаюсь внутрь – затем полностью выхожу, прежде чем резко вернуться обратно. Ее тело дергается каждый раз, когда я попадаю в ее центр, что заставляет ее сжиматься и стискивать мой член. Я практически не осознаю, что ее язык в моем рту, потому что мой член ощущает себя слишком великолепно.

Я вонзаюсь в нее все жестче, и она запрокидывает голову, прерывая наш поцелуй. Громко стонет, а я, пользуясь возможностью, немного откидываюсь назад и обхватываю руками ее бедра.

— Тебе лучше подождать, детка.

Она издает тихий звук, немного похожий на писк, но подчиняется — сжав руками мои предплечья и обхватив ногами мои голени. Кровать начинает скрипеть, когда мы наращиваем темп, я ритмично двигаюсь, и мой член заявляет свои права на ее киску. Каждый мой толчок быстрый и глубокий — почти яростный, с каждым выпадом достигающий самого предела, погружаясь по самые яйца. Я вбиваюсь и вбиваюсь в нее до тех пор, пока пот не начинает стекать вниз по моей спине и попадает со лба в глаза.

Я поднимаю руки вверх по ее бокам и концентрируюсь на ее сиськах. Мне нравится, как они чувствуются в моих руках — идеально круглые полушария, мягкая кожа и твердые горошины сосков. Я тяну за них и хочу сосать их больше, но мне нравится темп, который я установил, трахая ее, и мне нужно замедлиться, чтобы добраться до них ртом. Даже легкое прикосновение к ним замедляет меня, а я хочу вбиваться в нее сильнее. Но что еще более важно, мне хочется иметь достойный обзор на ее задницу.

Я выхожу, и она хнычет подо мной, когда я встаю на колени и отцепляю ее руки от своих.

— Стать на четвереньки, — говорю я ей. — Раздвинь ноги.

Мой голос тихий, но тон все же придает словам форму приказа. Она немедленно подчиняется, и я слышу, как она немного поскуливает, когда я продвигаюсь на коленях и располагаюсь между ее ног. Хватаю ее за бедра и резко вхожу в нее. Ее задница потрясающая, и, двигаясь в ней, я погружаю свои пальцы в мягкую плоть.

Она, блядь, такая тесная, и каждый раз, когда я в нее вколачиваюсь, она хватает ртом воздух, а ее киска сжимается. Я закрываю глаза, запрокидываю голову и сосредотачиваюсь на ощущении, стискивающей мой член, пока я ее глубоко трахаю. Когда мои глаза снова открываются, я минуту смотрю вниз, туда, где мой член скользит в нее и обратно, но это зрелище так охренительно потрясающе, что я не могу продолжать смотреть, иначе взорвусь. Вместо этого я наклоняюсь к ее спине и скользжу руками по ее бокам и вниз, чтобы захватить ее сиськи. Тяну ее за соски — не сильно, но достаточно, чтобы немного больше ее возбудить. Она стонет и пытается повернуть голову, чтобы увидеть меня.

Кладу одну руку на ее затылок. Чуть надавив, направляю ее голову к подушке и жду, пока она повернет лицо в сторону, потом опираюсь на нее с немного большим весом, удерживая ее в таком положении. Продолжая вбиваться в нее, другой рукой тянусь южнее и нахожу ее дрожащий живот, а затем пульсирующий клитор.

Я подвожу ее к грани, даю немного остыть, а затем снова довожу до предела. Она вскрикивает, покрывается потом и ее практически трясет. Мои собственные ноги угрожают не выдержать, поэтому я толкаю ее вниз, накрывая ее своим телом. Я лежу на ее спине, ноги между ее ног. Моя рука зажата между киской и матрасом, и я продолжаю кружить пальцем на ее клиторе. Я немного смещаюсь, и несколько мгновений спустя снова погружаюсь в нее — не так глубоко, потому что угол не подходит для глубокого проникновения — но также жестко, как и раньше.

Моя рука освобождает ее шею, и я хватаю ее за волосы.

— Мой член чувствует себя так хорошо, трахая тебя, — рычу я в ее ухо. — Тебе нравится? Да? Стон — единственный ответ, который я получаю, но этого достаточно.

Я резко вхожу в нее, на мгновение удерживаю себя глубоко внутри, а затем медленно, почти полностью выскользываю. Я бы вышел полностью, но в таком положении слишком затруднительно будет обратно возвращаться внутрь нее, не встав снова на колени, а мне нравится, когда она, вся распластанная, так лежит подо мной.

Ей тоже нравится.

— Ты знаешь, как легко было бы, — стону я, и мой голос звучит тяжело и хрипло в ее ухо, — трахнуть тебя в задницу в таком положении?

Чувствую, как она напрягается, а на ее шее и плечах появляются мурашки. Я слегка улыбаюсь — она раньше никогда не принимала член в свою попку. Мои губы прижимаются к ее коже ниже уха.

— Не в этот раз, — шепчу я, и чувствую, как она ненадолго расслабляется подо мной. Мой палец снова кружит на ее клиторе, и она стонет. Ее лоно сжимается на моем члене, и я с рычанием толкаюсь в нее. Мои движения неглубокие, но быстрые. Я не перестаю кружить пальцем по ее

клитору, пока вбиваюсь в нее так сильно, как могу физически. Скрип кровати совпадает с ритмом моих движений и с ее криками.

Я чувствую, что кончаю, чувствую напряжение в бедрах и ощущение сжатия в моих яйцах прямо перед тем, как волна удовольствия проходит через меня, заставляя что-то бормотать и задерживать дыхание. Я кончу жестко и глубоко в ней, чуть изгибая спину, чтобы протолкнуться еще глубже, насколько смогу. Когда оргазм утихает, я падаю на ее спину, мои короткие вздохи переходят в жаркое тяжелое дыхание, опаляющее ее кожу между лопаток.

Я остаюсь в таком положении какое-то время, просто прислушиваясь к звуку нашего дыхания и ожидая, когда расслабится тело. Моя рука застряла между Лиа и матрасом и начинает немного неметь. Хотя, мне это нравится, и действительно не очень хочется менять позицию. Я довольствуюсь тем, что переворачиваюсь на бок, плотно притянув к себе ее тело, пока мы не оказываемся в классическом положении, когда ее спина прижата к моей груди.

Эван Арден – профессиональный убийца, превратившийся в любовника, потерявшего голову от страсти.

Я почти смеюсь вслух.

Сердце Лиа все еще колотится, пока я прижимаю ее к груди. Она немного поворачивает голову и через плечо смотрит мне в глаза.

— Это было...невероятно, — говорит она, тяжело дыша.

Я усмехаюсь.

— Я знаю.

Она громко смеется.

— Что ты имеешь в виду, говоря «я знаю»?

Пристально смотрю на нее, взвешивая, насколько же мне просто находиться с женщиной, которая буквально наткнулась на меня несколько часов назад. Если я расскажу ей, то это совсем немного, но все же раскроет меня – ту сторону, которую я, как правило, храню в себе – почти идеального незнакомца.

Незнакомца, член которого только что был в ней...

Ну... да.

Тем не менее, есть люди, которых я знаю много лет, и которые даже не догадываются о том, как много деталей мой ум способен собрать и классифицировать за короткий промежуток времени. Мать-настоятельница называла это дедуктивным методом анализа. Она даже заставила меня прочесть книги Артура Конан Дойла. В конце концов, я использовал это против нее, чтобы освободиться от опеки в шестнадцать, и она, в общем, была практически изгнана из церкви.

Я понимаю, что Лиа все еще наблюдает за мной и ждет ответа, и решаю отбросить сомнения.

— Тебе нравится быть жестко оттраханной, — говорю я, чуть пожимая плечами.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивает она тихо.

— Что? Не считая твоего мощного оргазма?

— Да, — отвечает она, ее голос по-прежнему слабый. — Я имею в виду, как ты узнал об этом? До того, как ты... м-м-м... начал?

Я на мгновение закрываю глаза и стараюсь не вздыхать слишком громко.

— Ты, правда, хочешь это услышать?

Она колеблется, но отвечает утвердительно.

Кто я такой, чтобы спорить?

— Помимо очевидно дерьямового рассказа, который ты мне преподнесла, когда пришла сюда, — начинаю я, — на безымянном пальце левой руки по-прежнему есть след от кольца, которое ты носила в течение длительного времени - помолвки или свадьбы - что бы там ни было. Ты была слишком тесной для той, кто регулярно занимается сексом, а это значит, что даже несмотря на то, что ты все еще носила кольцо, в последнее время ты не получала его со своим женихом или мужем. Ты немного пугливая, и это означает, что он оскорблял тебя, может быть, не физически, потому что я не вижу никаких доказательств этого – но, по крайней мере, психически или эмоционально. Парни, которые гадят женщине, как правило, чувствуют себя из-за этого плохо, поэтому, когда он пытался компенсировать все то дерымо, что он сотворил с тобой, он занимался сексом медленно, как способ

извинения. Ты, наверное, стала ассоциировать такой секс с дерзкими извинениями, которые он никогда не подразумевал, и это оставило у тебя внутри чувство эмоциональной пустоты. Вот почему все, что ты хочешь сейчас – это трахнуться.

Я открываю глаза и вижу на ее лице сильный шок.

— Жестко, — добавляю я.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дыхание Лии переходит в быстрые короткие вздохи, когда она прижимается спиной к моей груди. Мой полутвердый член все еще похоронен внутри нее. Обернув одну руку вокруг нее, другой я нежно гладжу ее по голове и целую в макушку.

Я вымотан, но чувствую себя фантастически.

Я не трахал одну и ту же цыпочку два раза подряд с колледжа, и никогда дважды за одну и ту же ночь. Сейчас три часа утра, а у нас уже четвертый раунд. Как будто моему члену недостаточно ее киски и ее сочной задницы. Я все еще не трахнул ее туда, но все и так здорово. Может быть, утром...

Я обнимаю ее за плечи и прижимаю к себе ближе. Закрываю глаза и замедляю дыхание, пытаясь, чтобы оно соответствовало ее дыханию, поскольку наши сердца, похоже, бьются в одном ритме. Ее голова лежит у меня под подбородком, а волосы щекочут мою шею.

Мне это нравится, и приносит глубокий, спокойный сон.

Я просыпаюсь, немедленно ощущаю разницу в наших позициях. Пока я спал, то сполз ниже, и вместо того, чтобы удерживать ее у своей груди, моя голова прижимается к ее телу. Одна ее рука обнимает мои плечи, а другая медленно гладит волосы. Все еще чертовски жарко, и если я попытаюсь сдвинуться, то, скорее всего, обнаружу, что наша кожа слиплась вместе.

И меня эта хрень действительно, на самом деле не заботит.

В тех случаях, когда я просыпался с женщиной в моей постели, а слушаю этих, вероятно, не больше чем пальцев на одной руке – я никогда не просыпался таким вот образом. Это тревожит, но, когда я поворачиваю голову, чтобы посмотреть в ее глаза, понимаю, что чувства проносящиеся сквозь меня, гораздо более тревожные.

Она улыбается мне, и кажется, что я выворачиваюсь наизнанку.

Она необыкновенно красива. Не той красотой, что у подправленных в фотошопе моделей в журналах, а естественной и чистой красотой... любящей женщины. Как будто я только что посмотрел в лицо Божьей матери, а ведь дни, когда я верил в католическую церковь уже в прошлом. Тем не менее, это нечто большее. Когда я в ней, мои мышцы расслабляются, и я чувствую себя в безопасности. Успокоенным. Чувствую странную покорность ей – как будто в мире не существует ничего, что я бы не сделал для нее.

— Привет, — говорит она. Звук тихий и скромный.

Я хочу ответить тем же. Хочу остаться беззаботным. Не хочу обращать внимание на то, как внутри скручивает живот, когда она смотрит на меня.

— Эй, — наконец-то бормочу я. Ее рука продолжает перебирать мои волосы, и я почти хочу дернуть ногой, как это делает Один, когда я попадаю в определенное место.

Держи себя в руках, Арден.

Я ненадолго закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Это совсем не помогает, потому что теперь меня повсюду окружает ее запах. Ее аромат, запахекса и мой собственный – все перемешалось вместе, и я хочу с умом использовать свой утренний стояк.

— Ты в порядке? — спрашивает она, и я машинально киваю.

— Просто надо пойти отлить, — говорю ей.

Когда я поднимаюсь и отрываюсь от нее, наша кожа издает смешной звук. Она хихикает, и я совершаю ошибку, снова посмотрев на нее.

Улыбаюсь ей, боясь открыть рот, а потом быстро поворачиваюсь и направляюсь к крошечному туалету в углу. Там нет двери – только занавеска для душа, прикрепленная к дверной раме, которую я даже не удосуживаюсь задернуть, справляя нужду. Хватаю зубную щетку, чтобы быстро привести себя в порядок перед тем, как вернуться обратно в постель.

Когда я заканчиваю, она выскользывает из кровати и тоже направляется в ванную, и, покраснев, спрашивает, может ли она одолжить зубную щетку. Я наблюдаю за ее задницей, когда она уходит от меня, и мои пальцы слегка напрягаются, снова желая схватить и удерживать ее.

Я с ней еще не закончил.

Как только она приближается к кровати, то снова оказывается подо мной. Потом я сажусь прямо и затакиваю ее на колени, хватаю обе лодыжки и оборачиваю их вокруг своих бедер.

Удерживая за талию, я поднимаю ее над своим членом и опускаю на себя. Стоя на коленях, она несколько раз медленно двигается на нем, но этого недостаточно, и я не вижу ее задницы.

Мне очень нравится ее попка.

Отодвинув ее и сняв с себя, я ложусь на спину, а Лиа снова собирается сесть на меня верхом. Я качаю головой.

— Повернись, — говорю я. — Спиной ко мне. Я хочу видеть твою задницу, пока ты будешь скакать на мне.

Она краснеет. Мой член блестит от ее соков, а она смущается из-за меня. Твою мать, и почему я нахожу это таким возбуждающим? Она медленно приподнимает ногу над моими бедрами и опускает колено на матрас. Немного сдвигается, пока не оказывается в нужном месте, и я хватаюсь за основание своего члена, чтобы направить его в нее. Она стонет, немного опускаясь, и после того, как она подстраивается под меня, я хватаю ее бедра и тяну их вниз на себя.

Поднимаю свои бедра вверх каждый раз, когда тяну ее на себя, обеспечивая максимальную глубину погружения, и чувствую себя практически под кайфом, хотя никогда в жизни не курил травку. Представляю, каково это может быть, пока она скользит вверх и вниз по моему члену, быстрее и быстрее, стонет и откидывает голову назад.

Я отпускаю ее бедро, чтобы схватить одну ее руку и направить вниз к ее клитору.

— Прикоснитесь к себе, — приказываю я. — Заставь себя кончить.

Вид ее спины и попки, то, как она скачет на мне и доводит себя до оргазма - одна из самых красивых вещей, которые я когда-либо видел в своей жизни. Не то, чтобы я реально видел много красивых вещей, потому что моя жизнь не сталкивала меня с такой хренью, но вот она действительно феноменальна. Ее изгибы... и то, как колышутся ее волосы... крошечные капельки пота, сбегающие между ее лопатками...

Я рычу и кричу, когда еще раз толкаюсь внутрь, удерживаю и изливаюсь в нее. Моя голова падает на матрас, я еще пару раз толкаюсь бедрами, чтобы немного продлить ощущения. Сажусь и обнимаю ее, позволяя ей прижаться спиной к моей груди, переворачиваю нас на бок, почти сбрасывая в процессе обоих с маленькой кровати.

Она хихикает, быстро дыша, и эти движения заставляют мой размякший член выпасть из нее. Она переворачивается лицом ко мне, и я убираю волосы с ее лба.

— Чем ты зарабатываешь на жизнь? — вдруг спрашивает она, опираясь локтем и подперев голову рукой.

— Я отставной военный, — на автомате отвечаю. Это правда, которую можно легко проверить. Я перекатываюсь на спину и пытаюсь перевести дух, из-за того, что она начинает забрасывать меня вопросами, и мне приходится отвечать самым неопределенным образом.

— Это многое объясняет, — бормочет она с приподыханием, в то время как ее пальцы прослеживают мой бицепс. — Мне нравятся твои мышцы.

— Это для того, чтобы крепче обнимать и трахать тебя, моя дорогая.

Она смеется, а я снова подминаю ее под себя и сжимаю ее сосок между зубами. Покусываю, лишь чуть-чуть. Из-за многочисленных художеств прошлой ночью, отсутствием сна и любовной игры ранним утром, мои силы еще не вполне вернулись. Удерживаю себя руками, наклоняюсь, чтобы поцеловать ее пару раз, прежде чем лечь на бок лицом к ней.

Ее рука снова поглаживает мой бицепс, затем спускается вниз по руке. Голова шутливо наклоняется набок, а пальцы прокладывают путь по небольшому изгибу талии и подкрадываются прямо к моей заднице. Лиа слегка сжимает ее, а затем смотрит на меня со смешинкой в глазах.

— Мне больше всего нравится вот эта часть, — признается она, краснея.

Ого. Да мы два сапога пара или как там, бл*дь, говорится.

Я хватаю ее за попку и подтягиваю ближе.

— Эта мне нравится больше.

Она хихикает, краснеет, а потом снова смотрит на меня.

— Что? — интересуюсь я.

— Ничего, — бурчит она, отворачиваясь.

— Скажи мне.

Лиа колеблется, прежде чем снова начинает говорить.

— Можно я кое-что попробую?

Я прищуриваю глаза и высвобождаю ее попку.

— Зависит от того, что это.

— Только... перевернись на минутку.

— Перевернуться?

— На живот, — уточняет Лиа.

Пристально смотрю на нее с минуту, пока она не начинает снова уговаривать меня. И, наконец, соглашаюсь и ложусь на живот в центре кровати, наблюдая, как она идет к сумке у входной двери. Я напрягаюсь, внимательно следя за ее движениями, и впервые чувствую себя встревоженным — на краткий миг решаю, что был одурачен — она знает кто я, и она здесь, чтобы меня убить. Я уже был готов в следующую секунду спрыгнуть с кровати и даже повалить ее на пол, когда она поворачивается, держа в руке небольшую, круглую, блестящую монету.

Это четвертак.

— Что за хрень? — спрашиваю я. Лиа хихикает и идет эти четыре метра до кровати, подпрыгивая.

— Давно хотела попробовать, — говорит она. — Ты же был в армии, а это как тест на монетах в кровати после того, как ты сделаешь это.

Она это не серьезно.

— Что, на моей заднице? — недоверчиво спрашиваю я.

— Именно! — снова хихикает Лиа.

Я роняю голову на руки и закрываю глаза. Поверить не могу, что соглашаюсь на это, и в то же время не могу перестать смеяться.

— Напряги мышцы! — приказывает она, и я повинуюсь.

Смотрю через плечо и вижу, как она бросает монету о мой зад...

...и промахивается.

— Черт побери!

Смеюсь так сильно, что мой живот начинает болеть, и я едва чувствую, когда она бьет меня по заднице и говорит, что все еще хочет попробовать снова. Я стараюсь сдержать смех, но она шлепает меня еще два раза, прежде чем я все же успокаиваюсь. На этот раз все получается, и я немного удивляюсь, когда четвертак отскакивает и закатывается под кровать.

Лиа прыгает вверх-вниз, крича и аплодируя. Из-за этого ее грудь и попка тоже подпрыгивают, поэтому я переворачиваюсь на спину и хватаю ее, притягивая обратно на кровать, и накрываю ее рот своим.

— Это самая тупая вещь, которую кто-либо когда-нибудь делал, — бормочу я между смешками и поцелуями.

— Это было потрясающее, — говорит она. — Всегда хотела это увидеть.

Я хочу трахнуть ее снова немедленно, но смех так измотал меня, что я укладываю нас обоих обратно и просто целую ее еще какое-то время. Эти поцелуи неспешные, но такие же крепкие и искренние, как и раньше. Через какое-то время, мы довольствуемся уже тем, что просто лежим и смотрим друг на друга, затаив дыхание.

В конце концов, Лиа возвращается к своим вопросам.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

— Где ты родился?

— В Огайо.

— У тебя есть братья или сестры?

— Нет.

— Как давно ты здесь?

— Пару месяцев.

— Ты собираешься и дальше здесь оставаться?

— Возможно.

Она вздыхает и опускается на спину рядом со мной. Я чувствую около себя ее плечо.

— Эван, почему ты здесь?

Черт.

— Ну, здесь потрясающий воздух, — говорю я, пытаясь перевести все в шутку и также, по возможности, сменить тему. — Погода никогда не бывает слишком холодной, и мне не нужно беспокоиться о том, чтобы выпускать Одина без поводка.

Она молча смотрит на меня долгим взглядом. Я отвожу от нее глаза.

— Ты живешь в захудалой лачуге в глуши, — говорит она. — У тебя есть ноутбук и реально жутко выглядящее ружье. Должно быть, у тебя есть кое-какие деньги, так зачем ты решил жить здесь?

— Ну, знаешь, — говорю я со смешком, — если я скажу тебе...

Я замолкаю.

— Ты должен будешь убить меня?

Пожимаю плечами. Наверное, это правда, хотя впервые в жизни у меня вообще-то есть свое мнение об этом. Я бы не возражал рассказать ей и почти чувствуя обязанным сделать это, но знаю, что не смогу.

— Я был морпехом, — наконец, тихо говорю я. — Прошел подготовку в Вирджинии, был ранен во время службы, и с почестями был отправлен в отставку. Пожалуйста, больше ни о чем меня не спрашивай.

Кончики ее пальцев мягко гладят мою щеку.

— Не буду, — обещает она. — Мне жаль.

Знаю, что создаю о себе ложное впечатление, но это лучше, чем откровенная ложь, и я не могу дать ей более подробную информацию о моей дальнейшей жизни. Ну и что бы я сказал? Между прочим, ты только что трахнула бывшего морского снайпера, ставшего киллером босса чикагской мафии. С добрым утром.

Да уж... вряд ли.

Завтрак проходит в тишине, и после того, как мы закончили, она присоединяется ко мне и Одину для прогулки по окрестностям. Хочу спросить ее, чем именно она планирует сегодня заняться, но понимаю, что немного тревожусь из-за того, что она ответит.

Я не хочу, чтобы она уходила.

Оно и понятно. Я не разговаривал ни с одним человеком с тех пор, как больше месяца назад ездил в Пинон за бензином, и там я лишь обратился к продавцу, уточняя цену за литр Гаторейда. До этого я ни с одной душой не обмолвился и словом со дня отъезда из Чикаго.

— Это временно.

— Да ну, пока не найдешь кого либо лучшее и не поищешь, чтобы навсегда устранист меня? Я не дурак, Ринальдо.

— Так почему же ты до сих пор еще здесь?

— Прекрасно. Я пойду.

Я чувствую прикосновение к своей руке, и ее пальцы скользят от локтя к ладони. Секундой позже наши пальцы переплетаются, это ощущение волнующее и желанно.

— Ты сожалеешь об этом? — вдруг спрашивает Лиа.

На мгновение я думаю, что она смогла прочесть мои мысли, но потом понимаю, что она имеет в виду прошлую ночь. Или сегодняшнее утро. Не важно.

— Я парень — мы не сожалеем о сексе.

Она фыркает и трясет головой, опустив взгляд на землю под ногами. Ее рот сразу же приоткрывается, и онакусает губу. Я слегка сжимаю ее пальцы, и она снова встречается со мной глазами.

— Я не жалею об этом, — подтверждаю я, и она искренне улыбается.

— Я никогда так раньше не делала, — тихо говорит она. — Я никогда не поступала так... спонтанно. Ты так меня понимаешь — лучше, чем когда-либо делал он.

— У него есть имя?

Она секунду пристально смотрит на меня.

— Уильям.

— Уильям – засранец, — однозначно говорю я. Она снова улыбается, но ее улыбка грустная.

— Он не всегда был таким, — отвечает она. — Когда мы учились в школе, он был таким милым и отличался от других парней. Он вырос в резервации недалеко от моего родного города. Полагаю, он был...экзотическим. Думаю, я также верила, что разговоры об алкоголизме коренных американцев полная чушь.

— Просто из-за того, что это стереотип, не значит, что он никому не подходит, — бурчу я.

— Чистая правда, — кивает она головой. — Мой отец любил его, и я думаю, когда его не стало...мой отец умер от рака два года назад...

— Прости, — бормочу я. Даже не знаю, почему так отвечаю, обычно, я не любитель стандартных ответов.

— Все нормально; столько времени прошло, — она делает глубокий вдох, прежде чем продолжить. — Мой отец любил Уилла, и я знаю, он хотел, чтобы мы были вместе. Думаю... если бы папа не любил его так сильно, то, скорее всего, я оставила бы его до того, как все это случилось.

— Ты мне расскажешь, что он сделал?

— Он пьет.

— Ты говорила это.

— И тогда становится злым.

Я жду продолжения. Уже догадываясь, о чем пойдет речь, и пьянство – только часть этого. И дело не в выпивке, а в том, что он просто мудак.

— Однажды он меня ударили, — говорит она тихо. — Я имею в виду – это было давно, до того, как мы обручились, и это не значит, что он никогда не сделал бы такого снова.

Она разражается безрадостным смехом. И в моей душе разгорается желание, чтобы этот ублюдок выследил ее, тогда я смог бы его убрать.

— Но даже если он и не применял насилия, он никогда не поддерживал меня. Придя домой, он все время кричал и говорил, что я дерьямовая хозяйка, и ничего не могу сделать по дому.

Еще один грустный смешок.

— Я училась в университете, так что занималась я не только этим. Мы даже не были женаты, только помолвлены. Помолвлены почти четыре года.

— Почему же вы не поженились? — спрашиваю я. Ощущаю, как ее плечи движутся вверх-вниз в уклончивом жесте, хоть и не свожу глаз с горизонта. Один носится вокруг куста креозота в нескольких метрах впереди нас.

— Причиной всегда была нехватка средств, — отвечает она. — Он всегда говорил, что хочет подарить мне идеальную свадьбу, хотя это не то, чего хотела я. Папа очень хотел этого, а мама была рада, что все оставалось так, как есть. Вообще-то, она будет рада услышать, что я к нему не вернусь.

— А ты не вернешься? — я не хочу гадать.

— Не в этот раз, — тихо говорит она.

— Что ты мне не договариваешь? — требую я объяснений.

Она кусает губу, прежде чем ответить.

— Когда я попросила его съехать на обочину, он стал тормозить, — рассказывает она. — Еще до конца не остановившись, он протянул руку, открыл дверь и выпихнул меня.

Лия молчит, а я пытаюсь подавить внутри себя чувство ярости. Очень давно я не испытывала таких чувств, вообще-то мне понадобились годы, чтобы научиться брать их под контроль. Я хочу найти этого мудака. Хочу уничтожить его. Хочу разорвать его на гребаные куски, чтобы убедиться, что он больше никогда не сможет причинить ей боль. Это было бы легко, и даже смогло бы стать достойным отвлечением, вместо того, чтобы просто болтаться здесь без дела. Она появилась только вчера, он не мог далеко уйти.

— Когда я училась в колледже, то посещала курсы айкидо, — говорит она мне. — Я всегда была такой... неловкой. Думала – это поможет, но, увы, не помогло. Правда, я научилась правильно падать. Это то, что я сделала, когда он выкинул меня, и мне удалось в конечном итоге смягчить удар о землю.

Уголок ее рта слегка дергается, а глаза чуть прищуриваются, хотя это едва заметно. Она все еще не говорит мне полную правду, и я уверен, что скрывает некоторые детали. Это она начала драку? Он был пьян, когда вез ее? Почему он так разозлился?

Почему меня волнует эта хрень?

Не стоит и спрашивать себя, почему мне не все равно — это так очевидно, что нет смысла отрицать. Я просто не могу понять, почему. Я ни о ком не заботился с тех пор, как семья мужчин и одна женщина доверили мне свои жизни, а я подвел их.

— Мне нужно ехать к маме, — наконец произносит Лиа. — Он никогда ей по-настоящему не нравился, и я знаю, что она меня поддержит, не хочу ее волновать. По-моему, телефон здесь не работает.

— Нет, — подтверждаю я. — И нигде рядом.

— Я предполагала это.

— Ты сможешь позвонить ей, — предлагаю я, пытаясь игнорировать чувства, возникающие в моей груди, когда я думаю об ее уходе. Это нелепо и глупо. — Здесь нет стационарного телефона, но я отвезу тебя в Пинон.

— Она все равно будет беспокоиться, — качая головой, не соглашается Лиа. — Уилл, вероятно, уже позвонил ей и наговорил, Бог знает что.

— Хочешь, я найду его? — Не подумав предлагаю я.

Какого хрена, Арден? Ты собираешься убить бывшего девушки?

Она смотрит на меня, и я не могу не заметить ее быстрый взгляд на винтовку. Для ее же блага она слишком наблюдательна, и понимает, что если я говорю, то обязательно сделаю это, даже если речь идет о такой дурацкой идее.

— Нет, — тихо произносит она, — не думаю, что это действительно необходимо.

Я протягиываю руку и сжимаю ее пальцы.

— Прости, — бормочу я. — Расслабься.

Ну, просто супер — это звучит намного лучше.

Она слегка вздрагивает, и я бы не заметил это, если бы не держал ее за руку.

— Я не буду ничего делать, — обещаю ей.

Она кивает.

— Я никогда не причиню тебе вред, — добавляю я. Для меня так важно, блядь, чтобы она знала, что я никогда не сделаю ничего, что может ее ранить, и я понятия не имею, почему.

Она опять кивает.

— Знаю.

— Возвращаемся? — мои пальцы сжимают ее чуть крепче. Хочу, чтобы мои слова звучали как требование, а не как вопрос. — После того, как повидаешься с мамой, вернешься сюда.

Я хочу, чтобы это было заявлением...утверждением...приказом...но побеждает мое собственное чувство неуверенности.

— Ты не обязан...

— Я хочу, чтобы ты вернулась сюда, — перебиваю я. Она мне нужна, чтобы во всем разобраться, даже если я ничего не буду делать.

— Зачем? — ее голос настолько тих, что я едва слышу.

Не знаю, что ответить.

— Потому что, — наконец-то говорю я. И смотрю ей в глаза, надеясь, что она найдет в этом смысле, поскольку мои слова настолько неадекватны.

Лиа вздыхает и протягивает свободную руку, касаясь ею моих волос.

— Как долго ты будешь здесь? — спрашивает она.

— Не знаю. Может, несколько дней, может, несколько недель. Я просто не знаю.

— Мне нужно провести с мамой хотя бы пару дней.

— Ладно, — говорю я ей. — Только возвращайся, когда закончишь.

Она некоторое время смотрит на меня, не говоря ни слова, но, наконец, кивает головой. Не знаю, предназначается ли это для меня или просто так она подтверждает собственное решение для самой себя. Мне все равно, она согласна. Все остальное не имеет значения.

— Хорошо, Эван, — тихо произносит она, — но только при одном условии.

— Все, что угодно, — говорю я. Разум снова покинул меня.

— Назови мне свое полное имя.

— Лейтенант Эван Натаниэль Арден. — Никаких мозгов. Может, доктор, который проводил психологическую экспертизу и сказал, что я больше не могу служить, был прав.

Рассудок становится совершенно неактуальным, когда она улыбается мне.

— Ладно? — говорит Лиа, продолжая улыбаться. — Я вернусь к тебе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Один сидит рядом с открытым окном грузовика, так что Лиа оказывается зажатой между нами. Мне это нравится. Вообще-то, мне это слишком нравится. И Один, судя по всему, ее принял, или, по крайней мере, решил, что пахнет она достаточно хорошо, чтобы понравиться мне, но сейчас это уже не так важно. Когда она ласкает пиренейца, тот лижет ей руку и даже тычется носом в шею, заставляя ее смеяться.

Поездка проходит в тишине. Беру ее ладошку в свою руку и кладу наши переплетенные кисти на ее бедро. Мы находимся в двух часах езды от города Таба-Сити и недалеко от автовокзала, откуда она сможет проехать остаток пути до Финикса. Я хотел сам отвезти ее к матери, но Лиа ясно дала понять, что желает сделать это в одиночку, и, кроме того, я понимаю, что не могу на длительное время оставить свое пристанище. Во всяком случае, я смогу найти бензин для генератора и кое-какие продукты.

Наблюдаю за ее ножками, пока они поднимаются по ступенькам автобуса и хочу знать, когда они снова обернутся вокруг моей талии. Лиа оборачивается и посыпает мне улыбку, которая не затрагивает ее глаз, и я прихожу в себя. Потом двери закрываются, и она уезжает.

Возвращение обратно в пустой дом проходит как в тумане – слишком невыносимо тревожить себя воспоминаниями. Даже если бы они были более захватывающими, мой мозг слишком занят, чтобы беспокоиться об этом. Каждая мысль направлена на нее, и это больше, чем тихое помешательство.

Один, несущий в пасти резиновую кость, внимательно наблюдает за мной, когда я вхожу в дверь. Он пытается втянуть меня в игру, но все, на что я могу обратить внимание – это пустая кровать с простынями, скинутыми на пол. Я делаю глубокий вдох, надеясь, что все еще смогу ощутить ее запах в доме, но он слишком слабый, и я, скорее всего, только в моем воображении.

Собери в кучу все свое дермо, Арден.

Я выхожу наружу и включаю генератор. На ужин у меня жареный сыр и пол упаковки салата, который я приобрел в магазине рядом с автобусной станцией. Я включаю нетбук, жуя салат Ромэн, капусту и морковь без заправки. В маленьком удобно расположенному магазинчику были только те приправы, которые я ненавижу, вообще никаких итальянских соусов. Когда я принимаюсь уже за вторую добавку, моя электронная почта, наконец, загружается.

Меня снова дразнит «Пицца Хат». Боже, как я хочу пиццу, прямо сейчас.

Я выиграл в лотерею Банка Европы. Существует ли вообще Банк Европы?

Алиенвар рада предложить их новый игровой автомат.

И еще одно сообщение.

Отправитель: Роджер Мур.

Тема: без темы.

Текст: возвращайся.

Сообщение было отправлено двадцать девять часов назад – я не проверял почту со вчерашнего утра. Роджер – вернее, Ринальдо – скорее всего, считает, что я получил сообщение и к настоящему времени уже в пути.

Я с трудом сглатываю и закрываю нетбук.

В моей голове проносятся тысячи мыслей, и у меня не получается систематизировать их всех в какое-либо подобие порядка. Я попросил ее вернуться, но когда она приедет, здесь никого не будет. Я не могу задержаться и вернуться в город – просто не могу. У меня нет ни ее номера телефона, ни какого-либо способа связаться с ней. Я даже не вспомнил об этом, а если она об этом и думала, то, видимо, не посчитала нужным сообщить мне свой номер телефона.

Объезжать мой член несколько часов подряд – это пожалуйста, но оставить свой гребаный номер...

Даже если бы она дала мне его, у меня, вообще-то, до сих пор нет телефона, чтобы позвонить. И появится не раньше, чем я вернусь в Чикаго, но я ни за что не попрошу ее приехать туда. Если захочу,

то смогу ее найти – ведь не может быть слишком много Лиа Антонио, живущих с материами в Финиксе. Конечно, я могу найти ее мать, но даже не представляю, что ей сказать.

Я пытаюсь найти оправдания. Понимаю, что делаю, и поэтому говорю себе прекратить это дерьмо. Я не вру себе. Это бессмысленно и разрушительно. Знаю, что уже все решил, потому что на самом деле другого выбора не существует. Я не собираюсь впускать эту девушку в свою жизнь. Черта с два. Сама мысль об этом нелепа, и я, вероятно, был слегка не в себе, когда просил ее вернуться. Это никогда не сможет длиться долго.

Я вытаскиваю из-под карточного стола на кухне небольшую сумку, и кладу ее на кровать. Моя одежда летит в нее без разбора – грязная и чистая. Нетбук отправляется туда же, а вместе с ним запасная пара теннисных туфель и кость Одина. Протягиваю руку, хватаю винтовку и быстро разбираю, чтобы она поместилась в спортивную сумку. Окидываю быстрым взглядом все вокруг, чтобы убедиться, что ничего важного не забыто, так и есть.

Ее трусики, которые я чуть не разорвал прошлой ночью, затерялись в простынях на кровати. Хватаю их, расправляю их, а затем прячу глубоко в сумку.

Я должен хоть что-то ей оставить.

В какой-то краткий миг подумываю оставить ей мои боксеры, но быстро выкидываю эту мысль из головы. Ее маленькие кружевные трусики, правда, сексуальны, но боксеры – нет. На самом деле у меня нет ничего, что я мог бы ей оставить, так что в конечном итоге приходится действовать неоригинально. Покопавшись в ящике для всякой мелочи на кухне, нахожу бумагу и ручку. Сажусь на один из раскладных стульев, стоящих около стола, и смотрю на чистый лист.

Что, черт возьми, я могу сказать?

Мне нужно уехать, но спасибо за хороший трах?

Я не могу оставить ей свой адрес. У меня нет телефона.

Не могу попросить ее приехать и найти меня в Чикаго.

Трясущимися руками я пишу на бумаге одно единственное слово, а затем кладу лист в центр кровати.

ПРОСТИ.

Делаю шаг назад, и глаза замечают блеск серебра.

Рядом с подушкой лежит четвертак.

Медленно протягиваю руку, беру его и крепко-крепко сжимаю, передавая металлу тепло моей ладони. Горло сдавливает, и я проглатываю комок, прежде чем разжать пальцы и позволить монете упасть рядом с листком бумаги.

Быстро вернувшись на кухню, хватаю пару бутылок воды в дорогу и направляюсь обратно к грузовику. Некоторое время разбираю провода, прикрепленные к батарее, и сворачиваю их в плотный круглый моток. Наклоняюсь, чтобы забрать собачью миску и мешок сухого корма, бросаю их и вещи в кузов грузовика, и свищу. Из-за дома появляется Один, мчится ко мне, и через несколько минут мы уже катим по подъездной дороге.

Когда я направляю грузовик к шоссе, кажется, что кто-то тянется к моей спине, хватает сердце, вырывая его из моего тела, и тащит обратно в этот крошечный, горячий домик. Я продолжаю сглатывать, но это, не останавливает пожар в горле.

Один скулит и тычется носом в мое плечо. Я смотрю на него и гадаю, что он видит, когда смотрит на меня. Он снова утыкается носом и лижет руку, сжимающую руль.

— Спасибо, приятель, — произношу я безжизненно.

Он снова скулит.

— Я не могу этого сделать, — тихо говорю ему. — Я не могу так с ней поступить.

Вглядываясь в простирающийся передо мной горизонт, я выталкиваю из головы мысли о ней, хороня память в самых темных уголках моего мозга. Я хотел бы ей все объяснить – сказать, что это для ее же блага, но это невозможно. Все, что я бы сказал, было бы либо ложью, либо слишком опасным для нее.

Поэтому я уезжаю.

Рядом со мной Один.

А я, как и прежде, остаюсь один.